

Карнович Евгений Петрович

**Московские люди XVII-го
века**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Е14

Е14 **Евгений Петрович К.**
Московские люди XVII-го века / Карнович Евгений Петрович – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 80 с.

ISBN 978-5-519-88482-2

ISBN 978-5-519-88482-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— Да не бѣгле-ли вы будете холопы? спрашивали они.

— Были-бы бѣгле, такъ въ Москву не потянулись-бы, а пробирались-бы на Украину въ вольныя степныя мѣста, — находчиво отвѣчалъ старикъ Антуфьевъ.

— И то правда, — поддакивали дозорные, видя, что для нихъ въ рукахъ проѣзжаго заготовленъ алтынъ.

На иной вставѣ къ разнымъ вопросамъ прибавляли:

— Конь-то у васъ свой ли? не ворованный-ли?

— Что ты, кормилецъ, да у меня въ Сѣвскѣ еще тройка такихъ будетъ!

Но одинъ или два алтына, сунутые дозорщикамъ, устраняли тотчасъ всѣ подозрѣнія, которыхъ собственно и не было, а высказывались они лишь для того, что бы припугнуть и принажать проѣзжихъ. Особенно часто накидывались на Антуфьевыхъ земскіе ярыжки *). Они прямо заявляли имъ, что такихъ людей какъ они по примѣтамъ и ищутъ и на основаніи этого хотѣли волочить ихъ то къ старостѣ, то къ воеводѣ.... Но кромѣ того путешественниковъ могла въ ту пору постигнуть и болѣе существенная невзгода. На проѣзжихъ по боль-

*) Земскій ярыжка — низшій служитель полиціи для разсылки и исполненія разныхъ приказаній.

шимъ дорогамъ нападали нерѣдко разбойники, грабили и убивали ихъ. Предводителями разбойничьихъ шаякъ бывали не только бѣглецы и крестьяне, но нерѣдко между ними находились люди княжескаго и дворянскаго рода.

Все-же, несмотря на равныя мытарства, Антуфьевы благополучно добрались до Москвы и теперь думали только о томъ, какъ-бы благополучно въѣхать въ самый городъ.

II.

Демьянъ Антуфьевъ былъ уже старикъ лѣтъ шестидесяти слишкомъ. Считался онъ человекомъ бывалымъ, такъ какъ ѣздилъ изъ Сѣвска по Украинѣ и закупалъ тамъ скотъ, который потомъ перепродавалъ съ выгодною для себя. Правда, бывали неудобства въ этой торговлѣ, такъ какъ нерѣдко падежи въ большомъ количествѣ истребляли рогатую скотину и Демьянъ Григорьевичъ по временамъ терпѣлъ большіе убытки, но, какъ торговецъ сметливый и оборотливый, скоро поправлялся и принимался снова за свой обычный промыселъ.

Казалось-бы, что Демьянъ Григорьевичъ могъ хорошо жить у себя на родинѣ, въ Сѣвскѣ,

но стараго купчину подмывало желаніе попытать счастье на сторонѣ; правда, — не для себя лично, но для любимаго племянника своего Никиты. На Руси въ это время ходили слухи, что торговымъ людямъ въ Москвѣ живетъ не только лучше, но и почетнѣе, чѣмъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, что въ Москвѣ не такое заурядное купечество, какъ въ другихъ царскихъ городахъ, а есть и важные торговцы изъ суковной и гостинной сотенъ. Рассказывали также въ народѣ, что на Москвѣ не своевольничаютъ и не притѣсняютъ простыхъ людей такъ, какъ это повелось въ другихъ мѣстахъ, гдѣ воевода, его дьякъ и подъячій *) обижали и разоряли безнаказанно торговыхъ людей и даже забирали силою изъ ихъ лавокъ всякіе товары, какіе имъ полюбятся.

Никита былъ единственный племянникъ Демьяна, да въ добавокъ еще крестникъ. Бездѣтный Демьянъ взялъ его вмѣсто сына и хотѣлъ передать ему въ наслѣдство все свое добро, а пока собирался пристроить въ Москвѣ по торговой части у кого нибудь изъ своихъ земляковъ, которыхъ въ ту пору было тамъ не мало.

Между тѣмъ Никита не только не проявлялъ склонности къ торговлѣ скотомъ, но съ неудовольствіемъ отзывался о всемъ купеческомъ

*) Подъячій — мелкій канцелярскій чиновникъ.

промыслѣ.... Да и вообще—не то было на умѣ у Никиты.

Дядя его по тогдашнему считался человѣкомъ начитаннымъ по божественнымъ книгамъ и, не смотря на свои хлопотливыя занятія, поучалъ время отъ времени своего племянника и наставлялъ его на путь добрый; но Никитѣ этого было мало и хотѣлось ему отвѣдать настоящаго книжнаго ученія. Правда, что учиться основательно парню лѣтъ подъ двадцать было уже нѣсколько псодновато по нынѣшнимъ понятіямъ, но въ старину было не такъ. Тогда садились за букварь и позднѣ, лишь бы нашелся хорошій для того „мастеръ“ или учитель, а въ Сѣвскѣ хорошихъ грамотѣевъ отыскать было трудно. Ученыхъ монаховъ и поповъ тамъ не повелось, да и вообще жили тамъ больше ратные люди, приноровившіеся больше къ пушкамъ да пищалямъ. Торговые-же люди о книгахъ не думали, такъ что между ними Демьянъ Григорьевичъ считался даже мудрецомъ и чуть-ли не черно книжникомъ.

— Смотри, Никита, ты въ Москвѣ-то не забалуйся,—говорилъ однажды въ пути дядя племяннику. — Москва вѣдь не нашъ Сѣвскъ, соблазна разнаго тамъ много найдется.

— Съ чего, крѣстный, баловаться я стану. Не держу я и въ мысляхъ—возравилъ племянникъ.

— Не ровень часъ.... Знаю, что ты больше всего о книжномъ ученіи помышляешь. Не слюбится тебѣ торговое дѣло, такъ садись за книгу, я тебѣ въ томъ перечить не буду... Статся можетъ, какъ божественному поднаучишься, такъ потомъ не только въ соборные протопопы, но и въ архіереи попадешь,—добавилъ онъ съ легкой усмѣшкой.

При этихъ словахъ дяди по открытому и честному лицу молодого человѣка промелькнуло выраженіе неудовольствія.

— Не хочу я, крѣстный, ни въ протопопы, ни въ архіереи — заговорилъ онъ какъ-бы съ оттѣнкомъ досады.

Старикъ съ удовольствіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и привѣтливо взглянулъ на племянника.

— Испытать хотѣлъ я тебя, Никита.... заговорилъ неровнымъ, нѣсколько дрожащимъ голосомъ старикъ.—Коли ужъ ты такъ со мной говоришь, то я передъ тобой таиться не стану.... Знаю, что въ писаніи сказано: „не осуди да не осужденъ будешь“ — я я теперь говорю не въ судъ и не осужденіе, а только въ разсудъ.... И въ правду, попы и чернецы сошли съ пути праведнаго; забыли люди духовнаго чина о паствѣ, которую препоручилъ имъ Господь. Оттого и пошли въ нашей христіанской церкви и неустроенія и мятежи равныя.... Церковь наша распалась.... Да что го-

ворить теперь о томъ; въ Москвѣ обо всемъ узнаемъ и все сами увидимъ.... А прилежаніе твое къ книжному ученію я похваляю: — умудренный имъ человѣкъ ко всякому дѣлу бываетъ пригоденъ, не то, что простецъ... Эй, подстегни-ко гнѣдко, а то мы съ тобой закалякались, а онъ ужъ больно валѣвился — прибавилъ дядя, желая замять начатый разговоръ.

Затѣмъ Демьянъ Григорьевичъ завалился въ глубь кибитки на положенныя тамъ подушки и, надвинувъ на лицо шапку, сталъ раздумывать о тѣхъ вопросахъ, которые давно уже смущали его какъ человѣка набожнаго и благочестиваго.

Гулъ московскаго раскола разносился уже по всей землѣ русской и сильно затрогивалъ помыслы людей, желавшихъ остаться вѣрными древле-православной церкви. Начавшіеся противъ нихъ гоненія вызывали въ сторонникахъ ихъ ропотъ противъ патріаршей церкви и противъ царскаго правительства. Люди, у которыхъ не было никакихъ твердыхъ убѣжденій, кидались съ чужихъ словъ то въ ту, то въ другую сторону, не зная чего держаться. Старикъ Антуфьевъ ясно сознавалъ всѣ тогдашніе порядки, но не рѣшался перейти на какую либо сторону безъ глубокаго убѣжденія въ правотѣ одной или другой стороны. Главнымъ образомъ онъ собрался съѣздить въ Москву съ той

цѣлью, что-бы успокоить свою встревоженную совѣсть и изъ разговоровъ съ разумными людьми узнать на чьей сторонѣ правда. Хотѣлъ онъ также поклониться московскимъ чудотворцамъ и думалъ, если Господь допустить, то побывать и на Валаамѣ *), и въ Соловкахъ **), и въ другихъ обителяхъ древняго благочестія и по-смотреть, что тамъ дѣлается и услышать, что говорится о событіяхъ церковныхъ.

III.

Когда дядя и племянникъ взѣхали на Поклонную гору, лежавшую по тульской дорогѣ, они увидѣли оттуда Москву и стали креститься.

— Эхъ вѣдь, какъ широко она раскинулась! — проговорилъ покачивая головой Демьянъ — кажись и предѣловъ ей нѣтъ.

— Точно что велика... куда нашъ Сѣвскъ! —

*) Валаамъ — группа изъ 43-хъ острововъ на Ладожскомъ озерѣ. На главномъ островѣ находится знаменитый Валаамскій — Преображенскій монастырь. Основанъ въ V вѣкѣ преподобнымъ Сергіемъ и Германомъ, мощи котораго покоятся тамъ и теперь.

**) Соловки — Соловецкій монастырь въ Архангельской губ. на Соловецкомъ островѣ въ Бѣломъ морѣ. До сихъ поръ туда стекается до 8000 богомольцевъ ежегодно.

Передъ нею онъ—простая деревня, да и только. Глядь-ко сюда,—сказалъ Никита, дергая дядю за рукавъ,—церквей-то и башенъ-то гибель... а домовъ-то, домовъ-то!...

— Въ перемежку съ садами, огородами и пустырями—говорилъ старикъ, приглядываясь къ Москвѣ. А вонъ тамъ въ сторонѣ, особнякомъ стоитъ какая-то слобода: церквей въ ней вовсе не видно, за то вся она въ зелени, да, кажись, тамъ и постройки будутъ поважнѣе, чѣмъ по другимъ концамъ города...

Полюбовавшись съ высоты горы Москвою, Антуфьевы стали потихоньку спускаться съ крутизны.

День ихъ прїѣзда въ Москву былъ праздничный и еще изъ далека доносился до нихъ со стороны города громкій несмолкаемый церковный благовѣстъ, казавшійся какимъ-то необычнымъ гуломъ. Въ Москвѣ тогда считалось до 5,000 колоколовъ, а охотниковъ звонить на колокольняхъ являлось множество, такъ какъ каждый москвичъ видѣлъ въ этомъ богоугодное дѣло и поэтому въ звонаряхъ недостатка не было.

У городской заставы опять остановили кибитку дозорщики и хотя Антуфьевы ѣхали налегкѣ, но всѣ ихъ мѣшки, узоры и торбы и даже положенное въ телѣгу сѣно было перевернуто и осмотрѣно, чтобы убѣдиться не везутъ ли

они „запретныхъ“ или не явленныхъ товаровъ. Хотя ни тѣхъ, ни другихъ въ поклажѣ не оказалось, все-же старику пришлось дать алтынъ доворщикамъ, послѣ чего имъ отодвинули рогатку и Антуфьевы, снявъ шапки и трижды перекрестившись на выдававшуюся надо всѣмъ городомъ главу Ивана Великаго, въѣхали въ ворота, устроенныя въ земляномъ валу, окружавшемъ тогда всю Москву.

Въ ту пору Москва была уже обширнымъ городомъ, но большихъ и высокихъ домовъ въ ней еще было мало, такъ что кремлевскіе храмы и башни высились надо всѣмъ городомъ и казалось, будто уходили въ лѣтнее безоблачное небо.

Дивясь обширности Москвы, ни дядя, ни племянникъ не знали какъ она постепенно разрасталась. Имъ не было извѣстно, что еще великій князь Дмитрій Ивановичъ Донской, вмѣсто деревянныхъ сгорѣвшихъ стѣнъ, окружавшихъ первоначально кремль, построилъ вокругъ него каменную съ бойницами и башнями стѣну. Слыхивалъ, правда, старшій Антуфьевъ о набѣгахъ татаръ на Москву въ былое время, но не зная, что при такихъ страшныхъ нашествіяхъ жители посада (мѣстности, окружавшей кремль) спѣшили спасаться со своимъ скарбомъ за кремлевскими стѣнами, а дома въ посадѣ зажигали разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ по вѣтру, чтобы

непріятелю негдѣ было укрыться. Въ посадѣ-же жило въ тѣ времена не мало народа, притомъ все рабочій людъ: плотники, кузнецы, котельники, огородники, столечники, шубники и т. д. Нужно было охранить и этихъ жителей отъ татарскихъ нападений, и вотъ, при правительницѣ великой княгинѣ Еленѣ Васильевнѣ Глинской, обвели и посадъ со всѣхъ сторонъ каменной стѣной и онъ сталъ называться Китай-городомъ. Въ немъ начали селиться служилые и торговые люди, а рабочій людъ попятился отъ Кремля подальше. Защитили и этотъ отселившійся людъ сперва деревянной, а потомъ каменной стѣною и мѣстность эта стала называться Бѣлымъ или Царскимъ, Городомъ. Подвинулись жители Москвы еще дальше отъ Кремля и здѣсь образовали Загородье или Скородомъ. Ко времени пріѣзда Демьяна и Никиты въ Москву, тамъ нападений крымцевъ уже не боялись, и когда прежняя деревянная стѣна Скородома пришла въ ветхость, то ее уже не возобновляли и окопали всѣ окраины Москвы высокимъ валомъ со рвами.

Вѣхавъ въ Земляной Городъ, сѣвчане не увидѣли тамъ еще ничего такого, чему пришлось-бы имъ подивиться, такъ какъ эта часть Москвы не только не отличалась отъ подгородной слободы, черезъ которую они недавно проѣхали, но и отъ тѣхъ большихъ селъ, ка-